

Корреспондента газеты «Россия» консультирует профессор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, доктор искусствоведения Константин Зенкин.

Что играли до Шопена

Итак, похоронный марш. Основоположителем жанра официально считается певец Великой французской революции Франсуа Госсек — бельгийский композитор, создавший ряд ярких музыкальных полотен для исполнения под открытым небом. Среди них был и скорбный марш для духового оркестра 1790 года. С этого времени параллельно острейшей критике клерикализма начала складываться светская ритуальная традиция. На церковных органах при отпевании продолжали играть Баха и Моцарта, но революционный разрайд погасил стремление народа идти к Богу через церковь. Массовые гражданские проводы породили спрос на замную похоронную музыку, которая не замедлила возникнуть. Однако вскоре новый жанр стал проникать в высокое искусство без какого-либо прикладного значения. Как иллюстрацию обычно называют два траурных марша Бетховена (один из сонаты, другой из симфонии). Шопен, замечательно владевший бетховенскими формами, сочинил свой марш, также ни сколько не помышляя о его буквальном применении.

— Почему большинство наших современников не знают, что похоронный марш написал Фридерик Шопен? Шутка сказать — служащие ритуальных агентств путали Шопена с Мендельсоном!

— Любой композитор может позавидовать Шопену: его музыка стала известной до такой степени, что имя автора перестало иметь значение. Это свидетельство наивысшего признания.

Отныне за всяким гробом

Иные биографы нередко выставляют Фридерика Шопена немужественным, чуть ли не инфантильным человеком с изнеженной статью и девичьим лицом. Но именно этот Шопен, так влюбленный в «Реквием» Моцарта, в 1837 году пишет Marche Funèbre, а затем (1840) вставляет его в качестве III части в фортепианную сонату №2, опус 35. И это под занавес страшного для Шопена десятилетия, связанного с переделом Польши (присоединение к России), утратой любовных надежд (разрыв с Жорж Санд), бесчисленными переживаниями за близких...

— Вряд ли приходится говорить о более конкретных событиях, подтолкнувших Шопена к написанию марша. Он не допускал в своей музыке никакой конкретизации, никакого отражения внешних обстоятельств. Когда его спросили, почему после «Похоронного марша»

Скорбный хит

Ян Смирницкий

165 лет назад польским пианистом Фридериком Шопеном (1810–1849) был написан «Похоронный марш» — точнейшее выражение скорби многих миллионов людей.

следует такой странный финал (IV часть 2-й сонаты) — никакой мелодии, только хаос, — Шопен, как всегда, отшутился: «Что делают люди после похорон? Естественно, спешат разбежаться по домам». Скорби в его жизни всегда хватало. Но одной скорбью тут не обойдешься, — рассказывает Константин Зенкин.

Марш более или менее регулярно исполнялся Шопеном в парижских и лондонских салонах, где он чаще всего выступал. Шопен был камерным музыкантом, на фортепиано играл очень тихо, избегал больших залов, больших скопления людей. Рассказывают, что порой на протяжении вечера композитор, войдя во вкус, играл одно за другим самые разные произведения. Просили — играл еще. Но если кто-то предлагал исполнить марш, Шопен уж более ничего не играл после. После его смерти «Похоронный марш» зазвучал в разных концах Европы в оркестровом переложении нескольких композиторов. Одним из них был близкий друг Фридерика — Наполеон Анри Ребер, в 1849 году впервые переложивший марш специально для похорон Шопена.

Почему сегодня не играют похоронный марш

По статистике, в одной только Москве совершается около 200 000 погребений в год (включая кремацию). Проведенный в обрядовых учреждениях опрос показал, что оркестр заказывается исключительно редко. Почему?

Причина I, экономическая. Упало благосостояние граждан России, еле-еле наскребающих деньги попрощаться с близким человеком по самой скромности. Родственники покойного просто ходят по квартирам своего дома, собирая на гроб и автобус.

После его смерти «Похоронный марш» зазвучал в разных концах Европы в оркестровом переложении нескольких композиторов

Причина II, социальная. Считается, что играющий вне пределов кладбища оркестр есть вмешательство в личную жизнь других людей. Кто знает, может, у вас родилась дочка, а тут... Процедура похорон упростилась. Раньше покойника именно «проводжали», гроб несли по улицам. Сейчас города разрослись, пропала местечковость. Кое-где траурные шествия, приравненные к несанкционированному митингу, и вовсе запрещены: в морге погрузили — у могилы выгрузили. Играть негде.

Причина III, каноническая. Позиция Русской православной церкви такова, что, если вы хороните по-христиански, «музыка, не имеющая места в православном богослужении, не должна быть употребляема и при совершении религиозного обряда погребения». Церковь настроена запрещать поминки, любые выражения суетности, но, согласитесь, время вносит свои коррективы.

Впрочем, при кремации музыку играют часто. В крематориях страны, когда гроб опускается в подпол, музыканты из Всероссийского общества слепых на заказ исполняют любое классическое произведение, как правило, фуги Баха, проигрываемые либо на органе, либо на его электронной заменяющей. По прежнему такая услуга стоит 70–150 рублей. Относительно недорого по сравнению со стоимостью гроба, колеблющейся «по желанию клиента» от 6000 до 450 000 рублей. Мощности московских крематориев, работающих на английских печах, хватает на прием 30–50 единиц в день.

Болезнь и красота

Они шли в жизни Шопена рука об руку. Фридерик начал играть с семи лет, в тридцать возил за собой по Европе три рояля.

Константин Зенкин: «Тогда фортепиано воспринималось как ударный инструмент: действительно, молоточки ударяют по струнам. Но вдруг зазвучала музыка Шопена: рояль поет, вибрирует, никаких ударов, никакой жесткости. Шопену достаточно было окинуть мир взглядом, полным любви, и в нем уже все проступало!»

Роберт Шуман: «...глаза цветка, глаза василиска, глаза юной девушки».

Умирающий отец Шопена в последние минуты жизни с торжеством и благоговением смотрел на живописное изображение прекрасного Фридерика, не смея оторвать глаз...

Шопен страдал легочным заболеванием — отпечаток перенесенного в юности туберкулеза. Последние два года жизни выхаркивал чуть не по тазу крови в день. Уже ничего не писал. Болезнь оскверняла его красоту. На лице проступило страдание. Нет воздуха. Нельзя дышать.

Ференц Лист: «Он прибежал к искусству лишь для того, чтобы погрузиться в собственную трагедию».

— Как человек, тяжело больной человек, писал такую музыку?

— Это чудо, такое же, как и его музыка. В последние годы он даже передвигался с трудом. На любой этаж дома выше первого его заносили на коляске. Трудно было сидеть за роялем. Но дух его мажорный, а отнюдь не болезненный, способствовал стойкости.

Достаток

— Шопен при жизни пользовался своей музыкой как товаром и немало за нее получал. «Незначительные» фортепианные пьесы оценивались так же, как иные симфонии Бетховена. Хотя Шопен писал далеко не самую престижную для начала XIX века музыку. Мазурки, ноктюрны, фантазии для фортепиано считались малым жанром. Куда веселее было сочинить, например, оперу.

Но Шопен отстоял свой «малый жанр». Среди его наследия почти нет слабых, проходных произведений. Он очень точно, адресно улавливал главное. Поэтому сейчас, чтобы играть его, требуется не только виртуозное владение инструментом, но и человеческая, личностная зрелость. Легкость. Благодарство. Редкий пианист справляется с Шопеном, хотя та же Вторая соната постоянно исполняется в самых знаменитых филармонических залах. Сергей Рахманинов говорил, что ему достаточно на концерте сыграть Шопена и Листа, себя уже можно не играть. Сдавался.

Лента Констанция

Певица варшавской оперы Констанция Гладковская была первой женщиной, которую безоглядно полюбил Шопен. Он всегда помнил ее белое платье и веночек из белых роз на голове — в нем она исполняла арию, когда Шопен аккомпанировал. Она так и не заметила, какой человек смотрел на нее влюбленными глазами. После отъезда Шопена из Варшавы она вышла замуж за какого-то помещика. Сестра Шопена мгновенно отписала брату: «...Удивляюсь такому бесчувствию. Видно, красивый замок — слишком большая приманка. Только в пении было у нее настоящее чувство». Спустя несколько лет Констанция ослепла. Она садилась за фортепиано и вспоминала тот вечер с Шопеном... Из ее ясных, но не видящих света глаз текли слезы. Констанция — прекрасная и девственная муза его юности — становится для Шопена символом смерти. Теперь он знает, как Она выглядит. Теперь он знает, в каком облике он хотел бы ее принять.

Сердце в капсуле

Много ли, мало, но, радуясь жизни, Фридерик Шопен воспевал смерть. Наконец она вняла его уговорам. Однажды октябрьской ночью она подошла к изголовью постели, на которой лежал обесцененный композитор, и забрала его прочь. Как и отец, Шопен настаивал, чтобы труп был непременно вскрыт. А на следующий день знаковые художники бросились писать с умершего портреты и снимать с его лица посмертные маски. Гроб покрыли любимыми Фридериком фиалками. Сердце изъяли из тела и отправили на родину — в Польшу, где вмуровали в колонну костела Св. Креста.

— Тогда была иная точка зрения на неприкосновенность трупа. Исходя из идеи распространения мощей святых по миру для выдающихся людей делались исключения, и их останки как бы приближались к народу...

6.03.02.
Шопен Фридерик